

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М.С. Гаджиев

**ВАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ КОСТЮМА
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Рец. на кн.: Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009 – 502 с.

Как известно, костюм является важнейшим историческим источником, отражающим практически все основные стороны жизни того или иного общества – экономические, социальные, религиозно-идеологические, политические, эстетические, этнокультурные. Роль этого источника, который активно изучают этнографы, культурологи, искусствоведы, в исследовании исторических процессов и явлений особенно возрастает, когда мы имеем дело с более отдаленными от нас эпохами, ретроспективно соприкасающимися с этнографической действительностью, и в особенности с бесписьменными или слабо освещенными в нарративных источниках историческими периодами. И здесь неизмеримо повышается значение археологии для реконструкции костюма и демонстрации информативных и репрезентативных возможностей этого неотъемлемого атрибута человеческого общества, для восстановления исторического облика того или иного социума в те или иные периоды его истории.

К изучению древнего и средневекового костюма как важнейшей составляющей материальной культуры традиционных обществ в последние годы все чаще обращаются археологи. В ряду крупных работ последних лет по данной проблематике, носящих в огромной степени междисциплинарный характер, я бы выделил исследования З.В. Доде (Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М.: Восточная литература, 2001) и С.А. Яценко (Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006), которые, несмотря на различные в определенной степени методологические подходы и принципы, стали заметным событием в жизни нашего научного сообщества и в которых решается важная научная задача.

Среди таких работ сегодня мы видим и масштабное исследование старшего научного сотрудника Института археологии РАН и ассоциированного сотрудника Центра по изучению истории и цивилизации Византии (Коллеж де Франс, Париж) Анны Владимировны Мастыковой, посвященное женскому костюмному убору населения Северного Кавказа эпохи Великого переселения народов, точнее гуннского и постгуннского (савирского) времени (конец IV – середина VI в.). Исследователи не раз отмечали бóльшую консервативность и устойчивость именно женского костюма по сравнению с мужским, и в этом заключается одна из его значимых черт как ценного исторического источника, обладающего высокой информативностью, в особенности для решения вопросов этнокультурного взаимодействия. И работа А.В. Мастыковой как раз направлена на показ исторической значимости женского костюма через его важнейшие составляющие элементы и аксессуары, на выявление и всесторонний анализ этих компонентов, в том числе и

в значительной степени в аспекте раскрытия их этнокультурного и социального информационных полей, общих, групповых и частных, особенных, специфических черт.

Книга А.В. Мастыковой включает введение, пять глав, заключение, приложение, включающее каталог предметов женского костюма из памятников рассматриваемого региона и периода, а также список литературы и архивных материалов. Неотъемлемой частью монографии является богатый, качественно представленный иллюстративный материал, наглядно демонстрирующий объекты исследования и его источниковую базу.

Отмечу, что структура работы, отличающейся новизной, обоснована, логична, что позволяет автору в достаточно полной мере раскрыть исследовательскую тему, ее различные аспекты при соблюдении обозначенных хронологического и территориального принципов.

Во введении автор показывает актуальность, цель и основные задачи своего исследования, раскрывает и определяет основной понятийный аппарат, которым оперирует исследователь, касается проблемы методики и методологии изучения «археологического» костюма, излагая свой взгляд на возможности его реконструкции и на подходы к его интерпретации. Здесь же А.В. Мастыкова обосновывает хронологические и территориальные рубежи своего исследования и дает очень краткий обзор некоторых нарративных источников и этнополитической истории изучаемого региона. Мне представляется, что в этом обзоре следовало немного шире показать сложную этнокультурную ситуацию, в которой существовал северокавказский костюм и в которой шел активный процесс межкультурного и межэтнического взаимодействия в сфере моды. Говоря об этнической атрибуции тех или иных памятников (могильников, определенного типа погребальных конструкций), необходимо сослаться на соответствующие работы исследователей.

Глава 1 предвзвешивает основную часть исследования и традиционно отведена историографии проблемы. В ней А.В. Мастыкова подробно останавливается на немногочисленных работах, в которых затрагивается или освещается поставленная задача изучения женского костюма гуннского и постгуннского времени или ее отдельные аспекты, такие, например, как вопросы хронологии и типологии отдельных элементов и аксессуаров костюма – фибул, пряжек, зеркал, бус и т.д. В главе акцентируется внимание на накоплении археологического материала, который показывает исследовательскую базу работы и позволяет решать обозначенную научную проблему. При этом автор справедливо указывает на вторую половину XX в. как период, характеризующийся активными полевыми археологическими изысканиями на Северном Кавказе, позволившими заложить фундамент, основу для постановки и решения многих научных задач. Говоря об исследованиях В.А. Кузнецова в обозначенном направлении, здесь необходимо было указать его конкретные труды. А касаясь вопроса изучения сасанидских гемм, происходящих из памятников Северного Кавказа и использовавшихся в костюме местного населения, следовало привести и статьи автора настоящего отзыва, на одну из которых А.В. Мастыкова ссылается.

Представленный А.В. Мастыковой историографический обзор наглядно показывает состояние проблемы, степень изученности северокавказского костюма гуннского и постгуннского (савирского) этапа эпохи Великого переселения народов.

Глава 2 – одна из центральных и наиболее крупная в книге. Она предшествует последующим аналитическим разделам работы, идеи и суть которых логично

вытекают из данной главы. Эта базовая глава посвящена классификации и подробной характеристике основных категорий женского убора изучаемого времени. Автор, опираясь на типологические и хронологические разработки своих предшественников и коллег, детально анализирует такие аксессуары костюмного комплекса, как фибулы, пряжки, поясная и обувная гарнитура, браслеты, перстни, серьги, гривны, подвески, зеркала, бусы и т.д. При этом исследовательница очерчивает ареал их находок, круг аналогий, выделяет характерные и специфические предметы костюмных украшений и принадлежностей, рассматривает вопросы их назначения и места в системе костюмного комплекса, происхождения и генезиса, хронологии.

В качестве аналогий А.В. Мастыкова привлекает и дагестанские материалы эпохи Великого переселения народов. Но вместе с тем вне поля зрения исследовательницы остались находки витых гривн, лунниц, колокольчиков, флаконов в комплексах позднесарматского и гуннского времени Дагестана. Эти и другие изделия показывают вхождение Северо-Восточного Кавказа в общий ареал сходных предметов костюма, в данном случае женского, в ареал складывавшейся в определенной степени общеевразийской моды со своими специфическими чертами в различных историко-культурных областях. На территории Дагестана известна и находка гребня черняховского типа (Хивский могильник), но выполненного из бронзы и, вероятно, местного производства. Говоря о показательных серьгах с многогранником, укажу, что среди дагестанских материалов они присутствуют, как представляется, и в комплексах, по крайней мере, середины–конца IV в. (могильники Цыйша, Урцеки), что не исключает, а очевидно и подтверждает вероятность их возникновения в Северо-Кавказском (дагестанском) регионе, на что указывал еще Д.М. Атаев (Височные привески с 14-гранником из Дагестана // СА. № 2. 1963).

Весьма распространенным аксессуаром женского костюма центральной и восточной частей Северного Кавказа, как верно отмечает А.В. Мастыкова, выступали геммы, главным образом сасанидские, которые использовались, по всей видимости, как украшения и обереги. Конечно, местное северокавказское население вряд ли видело в изображениях на геммах персонажей Авесты. Только на территории Дагестана их сейчас известно около 50. И не совсем верно, на мой взгляд, путь поступления этих резных камней на Северный Кавказ прокладывать только через Дарьяльское ущелье и верховья Терека. Одной из важных трасс, несомненно, был Прикаспийский путь через Дербентский проход. Автор справедливо полагает, что янтарные псевдогеммы, скорее всего, имеют также сасанидское происхождение. В подтверждение этой догадки укажу на недавнюю случайную находку в Дагестане (могильник Хадага IV–VI вв.) связи янтарных гемм с характерными иранскими (зороастрийскими) изображениями.

Значительный интерес представляет глава 3, в которой выделяются и исследуются местные (автохтонные) и привнесенные (аллохтонные) компоненты северокавказского женского убора изучаемого периода. К числу первых автор относит большую часть дуговидных фибул, браслеты, гривны, калачевидные и проволочные серьги, зеркала. Условно к ним отнесены и многие изделия, получившие широкое распространение не только на Северном Кавказе и отражавшие интернационализацию этих ставших популярными предметов костюма.

Среди привнесенных аксессуаров, отразивших установившиеся торгово-культурные и военно-политические контакты, А.В. Мастыкова выделяет средиземноморские, восточногерманские, сасанидские и закавказские компонен-

ты/импорты. Автор справедливо указывает на сильное влияние средиземноморской (византийской) моды V–VI вв., происходившее, по мнению исследовательницы, более в контексте военно-политических сношений. Однако, как думается, нельзя умалять и торговые связи. Если дорогостоящие импорты, безусловно, можно рассматривать в русле политических контактов, то рыночные изделия, ходовой товар, которые представлены в массовом количестве, более отражают, на мой взгляд, торгово-экономические взаимоотношения.

Говоря о заимствовании элементов убора, нельзя и исключать возможное поступление самих платьев. Мне видится, что таковыми можно и нужно рассматривать престижные комплексы типа Ираги, Гиляч, Верхняя Рутха и др. Например, многочисленные М-образные нашивные бляшки, найденные в «княжеском» погребении Ираги и находящие аналогии в Унтерзибенбрунне, Эране, Регей, Лебени, Папкези, вряд ли поступили самостоятельно – более их следует рассматривать как неотъемлемую и составную деталь женского платья. Вообще удивляет сходный набор престижных предметов из Ираги и Унтерзибенбрунна – это и двупластинчатые фибулы с инкрустацией, бляшки со вставками, своеобразные лунницы, туалетный набор, близкие в исполнении ажурные серьги и др. Как представляется, это не сборный комплект, разновремененно собиравшийся, а изначально (в основной своей массе) цельный и, очевидно, полученный его владельцем в цельном виде.

Как верно отмечает А.В. Мастыкова, археологически слабо прослеживаются сасанидский и закавказский компоненты в составе женского костюма. Здесь большое поле для будущих исследований. Но мне бы хотелось обратить внимание на то (и мне уже приходилось писать об этом: *Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. С. 39–41*), что одними из центров производства полихромных изделий I и II групп (по классификации И.П. Засецкой: *Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Наука, 1994. С. 74–76*) могли выступать не только византийские и причерноморские (боспорские) ювелирные центры, но и Иберия-Картли, где существовал мощный и древний очаг ювелирного искусства (я имею, в частности, в виду непосредственно предшествующие гуннскому времени находки из Бори, Клдеети, Армазисхеви и др. памятников), и Сасанидский Иран. Например, такие орнаментальные детали и мотивы, как «сердечки», «чешуйки» и др., встречающиеся в полихромных изделиях, выполненных в технике клуазонне, были характерны для сасанидской торовитики, что дает возможность говорить об иранском (сасанидском) происхождении ряда предметов с перегородчатой инкрустацией (*Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. С. 41*). Недавняя находка великолепного меча V в. н.э. с золотыми ножнами и портупейей, по всей видимости, иранского/сасанидского производства, в кургане № 2 у с. Брут в Северной Осетии (*Габуев Т.А. Меч V в. н.э. из кургана № 2 у с. Брут в Северной Осетии // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г. Тез. докл. Международной научной конференции. Владикавказ, 2008. С. 108–110*) может служить подтверждением сказанному.

Не менее интересной и важной предстает глава 4, в которой рассматриваются типы женского убора и их региональные различия. Касаясь распространения предметов женского убора местного происхождения, автор выделяет два крупных

массива – это Западное и Центральное Предкавказье, для которых характерен свой набор аксессуаров, придающих костюму законченный вид и свою специфику. А.В. Мастыкова склонна полагать, что они отражают два этнокультурных региона – протоадыгский и аланский. Хотя мне представляется, что в горной зоне центральной части Северного Кавказа присутствовал не только аланский, но и в значительной мере пранахский этнический массив, на что уже обращали внимание исследователи. Вместе с тем здесь представлен и большой набор изделий, общих для обоих регионов Северного Кавказа, выделяющий и контактную зону в верховьях Кубани.

Привнесенные (аллохтонные) германские элементы в костюме, подчеркивает автор на основе проведенного картографического исследования, «четко засвидетельствованы в гуннское время только в Центральном Предкавказье, от Верхней Кубани до Верхнего Терека». В постгуннское (савирское) время ситуация резко изменяется, и Северо-Западный Кавказ (Черноморское побережье, Нижняя и Средняя Кубань) характеризуется значительным увеличением изделий дунайской традиции, что связывается с миграцией германских племен, в частности, готов-тетракситов и, возможно, остроготов. Вместе с тем на Северном Кавказе налаживается и производство местных дериватов импортных изделий. Следует отметить, что восточногерманские элементы в женском костюме в настоящее время начинают выделяться и кочевнических комплексах гуннского периода на Северо-Восточном Кавказе (*Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г.* Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника (IV–V вв.) // *Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе».* Махачкала, 2007. С. 160–173).

Другой характерной чертой предстает, как показывает А.В. Мастыкова, выраженность в центральной части Северного Кавказа средиземноморских (византийских) аксессуаров женского костюма, хотя изделия ранневизантийского производства в значительной степени представлены в обоих выделенных регионах. Эти импорты рисуют и пути поступления их на Северный Кавказ. Вместе с тем они показывают провизантийскую культурную и политическую ориентацию населения западной половины северокавказского региона. В противоположность этому сасанидские и малочисленные закавказские импорты концентрируются, как отмечает исследовательница, в центральной зоне Северного Кавказа.

Важным в данной главе предстает раздел, посвященный типологии женского костюма, в котором выделяются две основные группы. Это «фибульный» и «бесфибульный» костюмы, в которых А.В. Мастыкова выделяет на основе «диагностических» элементов соответствующие типы. Автор осторожно подходит к их выделению и отмечает, что эта типология достаточно условна и опирается в значительной степени на находки и местоположение тех или иных аксессуаров в системе погребального комплекса. Исследовательница предпринимает попытку определения территорий распространения тех или иных типов костюмов, дает типологию аксессуаров, показывает сопровождающие элементы убора в составе ведущих предметов, а также предметы, которые можно рассматривать как приношения в составе погребального инвентаря. Для определения назначения некоторых ведущих элементов в системе костюма, состава женского убора А.В. Мастыкова

привлекает и синхронные памятники изобразительного и декоративно-прикладного искусства Средиземноморья и Ближнего Востока (мозаики и др.).

А.В. Мастыкова убедительно показала, в частности, что «фибульный» (с фибулами-брошами) престижный костюм распространяется под влиянием византийской моды в центральной части Северного Кавказа – «в зоне формирования раннесредневековой Алании, ориентированной на Византию», и он «постепенно вытесняет «княжеский» костюм восточногерманской традиции с двупластинчатыми фибулами полихромного стиля». Одним из путей его проникновения являлись политические, дипломатические связи.

Говоря о распространении двупластинчатых фибул (вплоть до Урала и Средней Азии), отражающих влияние германской моды, видимо, небезынтересно было бы указать на их почти полное отсутствие в закавказском регионе (Албания, Армения, Иберия-Картли), где аристократический костюм развивался, очевидно, под сильным влиянием, с одной стороны, сасанидской и, с другой стороны, поздне-римской, ранневизантийской моды. Это касается и некоторых иных типов женского костюма.

Рассматривая бесфибульный костюм с гривнами (тип 5; имеются в виду гладкие и витые гривны из прута), автор склонен считать наличие этого аксессуара влиянием понтийской моды, не отрицая и воздействие сасанидского убора. Но следует иметь в виду, что гривны, в особенности витые (но с иными концами, нежели гривны позднесарматского и раннесредневекового времени), известны на Кавказе уже в позднебронзовую эпоху (Глийский могильник и др. памятники), но наибольшее распространение получают в скифское и эллинистическое время, продолжая существовать, спорадически встречаясь, в сарматское и гуннское время. Напомню и об известных кавказских бронзовых статуэтках женщин с браслетами, поясами и гривнами, выступавшими социальным маркером. И также, как и костюм с браслетами (тип 6), костюм с гривнами, по-видимому, является автохтонным. К тому же оба эти элемента костюма иногда и дополняют друг друга. Костюм с гривнами, судя по находкам IV–VI вв., более всего характерен, как отмечает А.В. Мастыкова, для Северо-Западного Кавказа. Но он известен и на Северо-Восточном Кавказе (в частности, Дербентский могильник, Урцекский некрополь, могильник Бештерек), где его появление вряд ли стоит расценивать как западное влияние.

Завершающая 5-я глава монографии отведена социальной характеристике женского костюма, как показателя и индикатора социального статуса его обладателя. Здесь автор в соответствующих параграфах рассматривает возможности социальной (сословно-имущественной) интерпретации костюма готов-тетракситов, населения Западной и Центральной частей Северного Кавказа и предпринимает небезуспешную попытку определения иерархии северокавказского женского костюма эпохи Великого переселения народов.

А.В. Мастыкова на основе известных критериев выделяет три уровня погребений, различающихся качеством и количеством инвентаря и отмечающих определенные социальные группы населения. Для готов-тетракситов, с которыми сопоставляется, в частности, могильник Дюрсо, выделяются две социально стратифицированные категории погребений, в которых представлены характерные для них статусные изделия женского убора и соотносимые с подобными по рангу мужскими захоронениями. Это соответственно могилы аристократии (племенной знати) и «свободных зажиточных членов общины».

В женских погребениях западной части Северного Кавказа, сопоставляемых с протоадыгским населением, автор выделяет также два уровня погребений с соответствующим набором предметов женского убора, характеризующихся слабой и низкой социальной стратификацией.

На территории центральной части Северного Кавказа, в зоне распространения аланской культуры, где выделяются три уровня женской одежды (в том числе «княжеского» статуса), соответствующие трем уровням мужского убора, наоборот, отмечается достаточно высокая социальная поляризация, свойственная варварским раннегосударственным обществам.

В заключении своего исследования А.В. Мастыкова подводит итог проведенной большой и скрупулезной работе по изучению женского костюма центральных и западных районов Северного Кавказа гуннского и савирского времени, дает основные выводы. Автор показывает, что этот интересный и научно значимый объект исследования содержит важнейшую информацию о культурной, социальной и экономической ситуации в регионе в конце IV – середине VI в.

Отмечая несомненные достоинства крупного труда А.В. Мастыковой, который написан с отличным знанием материала, источников, на высоком профессиональном и научно-методическом уровне, позволю остановиться еще на некоторых замечаниях и пожеланиях.

Прежде всего коснусь вопроса о термине «Предкавказье», который вынесен в наименование книги, часто фигурирует в тексте и в большей степени ассоциируется автором (и другими исследователями) с определенной территорией Северного Кавказа. Автор отмечает, что в монографии «рассматриваются памятники предгорий и гор Северного Кавказа от Черноморского побережья до Верхнего Терека». На мой взгляд, необходимо было вынести в заглавие работы именно понятие «Северный Кавказ», а не «Предкавказье». Впрочем, такое обозначение Предкавказьем части Северо-Кавказского региона свойственно многим другим археологическим работам, что не совсем правомочно, по моему мнению. Предкавказьем следует именовать равнинную и контактно-пограничную равнинно-предгорную зоны, но никак не предгорную и горную зоны данной историко-культурной и географической провинции. Предгорно-горная и горная зоны – это и есть собственно часть территории Кавказа, в данном случае – Северного Кавказа.

Говоря о выделении специалистами «фибульного» и «бесфибульного» костюмов варваров эпохи Великого переселения народов следовало указать на их соответствующие труды (М.Б. Щукин и др.).

Эти и высказанные выше замечания и пожелания, не имеющие существенного характера, не влияют на общую высокую, положительную оценку монографии А.В. Мастыковой, в которой поставлена и освещена важная научная проблема по истории костюма Северного Кавказа. Рецензируемая книга носит новаторский характер и, несомненно, что предложенные в ней методика и подходы к изучению «археологического» костюма будут успешно применены и для других регионов и эпох. Очевидно, что вышедший труд будет с большим интересом воспринят специалистами различного профиля – археологами, культурологами, искусствоведами, историками.